

Указ о переезде в восточные покои дворца Чанлэ прогремел подобно огромному валуну, брошенному в тихую заводь, подняв неистовые волны как в глубинах гарема, так и в придворных кругах.

Титул Минъи, содержание по рангу наложницы, близость к личным покоям императора — каждое слово дышало царской милостью и было нескрываемым манифестом.

Взоры, полные догадок, жгучей зависти и выжидания, словно невидимые иглы, вонзались в Ше Цинъяня, который все еще продолжал разыгрывать спектакль с недугом.

Однако атмосфера во дворце Чжумин сгустилась до предела. Указ Сяо Чэ стал явной мишенью и одновременно смертным приговором. Ше Цинъянь не смел терять бдительности ни на миг, отыгрывая роль тяжелобольного с пугающей достоверностью.

Большую часть времени он лежал с закрытыми глазами, его лицо, искусно подкрашенное А Ин, казалось землистым и мертвенно-бледным. Редкие моменты просветления сопровождались лишь слабыми попытками принять отвар и непрекращающимся кашлем — он выглядел человеком, чьи жизненные силы вот-вот иссякнут.

Действия противника в тени ожидаемо ускорились.

Цуй-эр, напуганная до полусмерти, под строгим надзором все же рискнула и передала в дупло старой софоры вторую восковую капсулу. Содержание было пугающе прямолинейным: Птица Чжэнь очень довольна, гнездо готово. Как только юноша испустит дух, подует восточный ветер.

Гнездо готово... восточный ветер... — Евнух Ван читал записку, и лицо его помрачнело. — Боюсь, под гнездом подразумевается дворец Чанлэ! Они собираются нанести удар либо по пути к дворцу, либо уже после заселения! А этот восточный ветер... неужели он означает...

На ум пришло имя, от которого кровь стыла в жилах — Ван Шоу, Сяо Цзюэ! Этот третий сын покойного императора, томящийся в заточении, но не оставивший своих преступных помыслов, был единственным ребенком, рожденным вдовствующей императрицей. Род матери императрицы и без того имел разветвленные связи, а уж что говорить о самом Сяо Цзюэ? Если императрица устроит хаос внутри дворца, а Ван Шоу воспользуется этим, чтобы нанести удар снаружи, действуя заодно, то этот восточный ветер превратится в ураган, способный перевернуть небо и землю!

А что же Его Величество... — голос А Ин дрожал.

Взгляд Ше Цинъяня был холоден. Обмакнув палец в лекарство, он вывел на краю кушетки: Играем по их правилам, переезд состоится. Затем добавил: Выяснить, где находится гнездо. Раз уж они решили выманить змею, то змея уже показалась, теперь нужно найти ее уязвимое место! Он должен знать, где именно во дворце Чанлэ для него приготовлено это гнездо и какая ловушка его там ждет.

Три дня пролетели незаметно.

В день переезда небо затянуло свинцовыми тучами, низко нависшими над дворцовыми стенами, а холодный ветер кружил редкие снежинки. Перед дворцом Чжумин выстроилась пышная процессия: паланкины, расшитые балдахины, плотные ряды стражи. Ше Цинъяня, укутанного в густой лисий мех, вынесли из ворот на специальных мягких носилках, которые несли четверо крепких евнухов.

Он лежал с закрытыми глазами, бледный, как бумага, с таким слабым дыханием, будто его могла сдуть любая случайная порывистая струя воздуха.

Сяо Чэ сопровождал его лично.

Император был облачен в темное повседневное платье, поверх которого накинул тяжелую накидку из меха черной лисицы. Его лицо было суровым, а взгляд, острый, как у ястреба, сканировал все вокруг.

Давящее величие императора возымело действие: толпа, до этого шумевшая, мгновенно затихла, словно испуганная цикада.

— Выступаем, — негромко, но отчетливо произнес Ван Дэхай.

Процессия медленно двинулась вперед.

Они миновали одни ворота за другими, и атмосфера стала настолько гнетущей, что перехватывало дыхание.

Бесчисленные глаза следили за ними из-за углов стен и щелей окон.

Ше Цинъянь явственно ощущал злобу, любопытство и злорадство, таившиеся в этих взглядах. Он продолжал изображать беспамятство, но все его сознание было предельно сосредоточено, улавливая малейшие изменения вокруг.

Когда процессия достигла середины Юнсян — узкого перехода, соединяющего передние и задние дворцы, — и свернула в относительно уединенный угол, внезапно произошло немыслимое!

— Защитить Его Величество! Убийцы!

Пронзительный крик разорвал мертвую тишину! Следом раздался гул натянутых тетив! Несколько арбалетных болтов, отливающих зловещим синеватым блеском, словно ядовитые змеи, сорвались из теней карнизов высоких дворцовых стен! Их целью был не Сяо Чэ, а

беззащитный Ше Цинъянь на носилках!

— Господин, берегитесь! — истошно закричала А Ин.

В то же мгновение, подобно вспышке молнии, Сяо Чэ, неотступно следовавший за носилками, среагировал молниеносно! Он резко развернулся, и его черная накидка, взметнувшись, словно крылья гигантской летучей мыши, с оглушительным свистом перехватила смертоносные болты! Одновременно с этим он, словно самый надежный щит, бросился на носилки, прикрывая Ше Цинъяня своим телом!

Плюх! Плюх! Плюх!

Болты вонзились в плотную ткань накидки, издав глухой звук.

Один из них, пущенный под коварным углом, пробил край накидки и глубоко вонзился в левое плечо Сяо Чэ!

— Угх! — Сяо Чэ глухо застонал, его тело содрогнулось, и теплая кровь мгновенно пропитала темную ткань одежды!

— Защитить императора! Взять убийц! — взревел начальник стражи, чьи глаза налились кровью. В воздухе зазвенели клинки, послышались крики боли! Гвардия Лунсян, словно выпущенные из клетки тигры, бросилась к стене, где скрывались нападавшие.

В суматохе никто не заметил, что от первого удара носилки слегка накренились.

Тело Ше Цинъяня, все еще изображавшее беспамятство, по инерции скользнуло в сторону, меховая накидка распахнулась, и из складок одежды выпал завернутый в носовой платок твердый предмет, покотившись по холодной влажной брусчатке.

Это был тот самый уменьшенный фонарь-кролик, размером с ладонь, от которого остался лишь обгоревший остов! Старая вещь из Холодного дворца, неоспоримое доказательство его личности, его последний козырь, который он всегда носил с собой на случай крайней необходимости! Сейчас, в хаосе, он случайно выпал!

Окровавленная, жилистая рука внезапно метнулась в сторону и, прежде чем Ше Цинъянь успел его подобрать, намертво сжала обгоревший каркас!

Время будто замерло.

Сяо Чэ стоял на коленях рядом с носилками, из плеча торчал болт, кровь капала с кончиков пальцев, окрашивая тонкий слой снега. Его взгляд, словно примагниченный, был прикован к

обугленным останкам, в которых все еще можно было угадать очертания кролика! Грубая бамбуковая основа, следы огня... они мгновенно и идеально совпали с фрагментами воспоминаний, которые он хранил в глубине души более десяти лет!

...Пятнадцатый день первого месяца. Праздник фонарей... сделал из бамбуковых щепок и цветной бумаги маленький фонарик в форме кролика... привязал веревку и спустил с края стены... увидел, как он поднял голову, глядя на свет, и в его глазах отразились искры...

Холодные строки из письма превратились в осязаемые, опаленные временем обломки! Все подозрения, проверки, гнев, досада... в этот миг рассыпались в прах! Словно ледник, копившийся тысячи лет, с грохотом рухнул в бездну!

— Это... это ты... — голос Сяо Чэ звучал так, словно наждаком терли по ржавому железу; он был хриплым и надтреснутым. Он резко поднял голову, и его покрасневшие глаза намертво вцепились в ошеломленное лицо Ше Цинъяня. В них бурлило море из шока, восторга, боли и почти невыносимого, запоздалого осознания! — Холодный дворец... старая слива... фонарь-кролик... это был ты! Всегда был ты! Ше Цинъянь!

Огромный удар потрясения лишил Шэнь Яня дара речи!

Он предполагал, что Сяо Чэ может заговорить об этом. Воспоминания постепенно всплывали в голове Шэнь Яня, он понимал, что Ше Цинъянь не то чтобы не узнал его, а намеренно вытеснил воспоминания о встрече в детстве. Но он никак не ожидал, что это произойдет в такой смертельно опасный момент и столь трагичным образом!

Он смотрел на дрожащий арбалетный болт в плече Сяо Чэ, на слезы в его глазах, в которых смешались безумный восторг и невыносимая боль, на обгоревший остов фонаря в его руках — единственный свет в его мрачном детстве...

Твердая броня, которую выстроил вокруг себя Шэнь Янь, в этот миг дала трещину под мощным потоком этих чувств!

Однако, как только Сяо Чэ, охваченный потрясением, окончательно потерял контроль над собой, случилось новое происшествие!

В толпе хаотично мечущихся людей один молодой евнух, до этого дрожавший на коленях, внезапно метнул злобный взгляд! Он вскочил, словно затаившаяся змея! В руках у него был не клинок, а небольшой серый глиняный горшочек. Он изо всех сил швырнул его в Ше Цинъяня на носилках, выкрикивая в безумии: — Демон! Сдохни!

Горшок разбился в воздухе! Внутри была не ядовитая жидкость, а облако мелкого порошка, вспыхнувшего жутким синеватым фосфорным пламенем! Подобно бесчисленным крошечным горящим призракам, с едким запахом серы и гнили, порошок накрыл Ше Цинъяня!

— Цинъянь, не бойся! — Сяо Чэ издал отчаянный, звериный вопль! Не обращая внимания на рану, он бросился на него, как безумный, и обхватил Ше Цинъяня своим окровавленным телом, плотно укутывая его в черную накидку, пытаясь отсечь смертоносное пламя!

Ш-ш-ш!

Синее фосфорное пламя, подобно въедливой заразе, мгновенно покрыло спину Сяо Чэ и его накидку! Резкий запах горящей ткани и зловоние паленой плоти заполнили воздух!

Сяо Чэ выгнулся дугой, издав сдавленный, до предела болезненный стон! Но руки, сжимавшие Ше Цинъяня, оставались неподвижны, словно вылитые из стали!

— Ваше Величество! — одновременно закричали евнух Ван и начальник стражи! Блеснул клинок, и евнуха-убийцу мгновенно разрубили пополам!

Хаос быстро утих под подавляющим натиском гвардии Лунсян.

Убийцы были либо перебиты, либо схвачены.

Но все взгляды с ужасом были прикованы к императору.

На спине Сяо Чэ черная императорская мантия была прожжена фосфором, обнажая обугленную, дымящуюся плоть! Зрелище было леденящим душу! Он стиснул зубы, на лбу вздулись вены, холодный пот ручьями стекал по лицу, которое из-за боли и потери крови приобрело пугающий серый оттенок.

Но он все еще крепко прижимал к себе невредимого Ше Цинъяня, словно держал в руках обретенное бесценное сокровище. Его красные глаза не отрывались от испуганного лица Ше Цинъяня, а голос, хриплый и надтреснутый, звучал с безумием, не терпящим возражений:

— Тогда... пожар в Холодном дворце... начался точно так же... — он тяжело дышал, и каждое слово было окрашено кровью. — ...Матушка... тоже так... защищала меня... когда ее отравили и подожгли...

Огромная боль и глубоко запрятанный страх, словно вулкан, вырвались наружу. Он сжал руки еще крепче, уткнувшись лицом в шею Ше Цинъяня. Горячие слезы, смешанные с потом, пропитали воротник, обжигая кожу. Он всхлипывал, как беспомощный ребенок, охваченный отчаянием:

— ...Не уходи... Цинъянь... не будь как она... не оставляй меня одного... умоляю... больше не оставляй меня...

Ше Цинъянь был намертво зажат в его объятиях, чувствуя запах крови, гари от фосфора и густой аромат мускуса.

Спиной он явственно ощущал, как мышцы Сяо Чэ содрогаются от невыносимой боли, и жар от ужасных ожогов. Горячая влага на шее жгла кожу, проникая глубоко в сердце.

Страх и обида, оставшиеся в памяти прежнего владельца тела по отношению к Сяо Чэ, в этот миг разбились вдребезги под натиском этих трагических, отчаянных объятий.

А Шэнь Янь, этот пришелец из другого мира, считавший себя рациональным человеком, глядя на страшные ожоги на спине Сяо Чэ и слушая крики самого глубокого страха и мольбы того самого маленького монстра, запертого в теле императора... почувствовал, как его ледяное сердце, в которое бросили огромный валун, окончательно раскололось!

Он медленно поднял правую руку и, едва заметно дрожа, осторожно коснулся напряженной от боли шеи Сяо Чэ.

Его пальцы ощутили холодный пот и горячую кожу. Этот простой жест заставил тело в его объятиях вздрогнуть.

— Угх... — Сяо Чэ поднял голову. На его лице, покрытом потом и слезами, читалась невероятная растерянность и проблеск осторожной надежды, словно у заблудившегося ребенка, увидевшего слабый свет свечи.

Ше Цинъянь смотрел в его красные глаза, полные боли, страха и униженной мольбы, смотрел на обгоревший остов фонаря, который тот продолжал судорожно сжимать в руке... Все расчеты, предосторожности, любовь и ненависть прежнего владельца — все это казалось таким бледным и бессильным.

Он открыл рот, но из горла не вырвалось ни звука. Однако, собрав все силы, он очень медленно и предельно четко сложил губы, чтобы император прочитал по ним одно слово.

Не Линь Мые.

Не Ваше Величество.

И уж точно не вопрос или упрек.

Это было имя.

Имя, погребенное временем, скрытое ненавистью, но навсегда высеченное в глубине души.

То самое обращение, которое принадлежало только стене Холодного дворца и старой сливе.

То самое, которое тот худой, израненный ребенок с трудом выговорил едва слышным шепотом,

когда взял у него горячую лепешку и мазь.

Ше Цинъянь беззвучно пошевелил губами, четко выговаривая этот слог:

— Сы...

Тело Сяо Чэ словно пронзило мощнейшим разрядом молнии! Он мгновенно застыл! Зрачки сузились до предела! Вся боль, ярость, страх и надежда в этот миг были поглощены еще более мощным, чистым, подобным цунами восторгом и скорбью!

Он впился взглядом в губы Ше Цинъяня, словно пытаясь удостовериться, что это не галлюцинация.

Огромный эмоциональный удар заставил его тело сотрясаться в конвульсиях, из горла вырвался хрип, похожий на звук старых мехов, а горячие слезы хлынули потоком!

— ...Сы... — с трудом, разбито повторял он этот слог, словно ребенок, впервые научившийся говорить.

Это прозвище, хранившееся в забвении более десяти лет и олицетворявшее унижение и тьму, сейчас, произнесенное беззвучно перед ним, стало самым теплым светом, мгновенно озарившим самые холодные уголки его души и окончательно сломившим все его преграды!

Он больше не мог держаться. Его высокая фигура, подобно рухнувшей горе, подалась вперед, и он уткнулся лбом в здоровое плечо Ше Цинъяня. Горячие слезы мгновенно пропитали ткань. Обида, страх, одиночество и огромный восторг от обретения утраченного — все, что подавлялось десять с лишним лет, вырвалось наружу в виде душераздирающего всхлипа, подобного вою раненого, умирающего детеныша зверя:

— ...Это я... это я... Цинъянь... я Сяо Сы... маленький монстр из Холодного дворца... ты наконец... наконец вспомнил... ты наконец... согласился признать меня... у-у...

Этот сдавленный, вырвавшийся наружу крик, полный крови и слез, тяжело ударил по сердцу Ше Цинъяня. Он застыл, принимая на себя этот обвал эмоций, чувствуя, как пятно горячей влаги на плече расплзается все шире. Обгоревший остов фонаря, который Сяо Чэ сжимал в ладони, словно спасительную соломинку, больно впивался ему в ребра.

Снег, казалось, повалил еще сильнее.

В Юнсян плач императора, стоны раненых и крики убийц слились воедино, создавая трагичную и абсурдную картину.

Стражники стояли поодаль, никто не смел подойти.

Евнух Ван и А Ин, стоявшие на коленях недалеко, уже давно заливались слезами.

Ше Цинъянь медленно закрыл глаза.

Фрагменты воспоминаний прежнего владельца о Холодном дворце, о том упрямом и мрачном ребенке, словно омытые этими горячими слезами, начали проясняться.

Милосердие и крошечные знаки доброты, которые он намеренно забыл, спустя долгое время вновь встретились с этим рыдающим императором.

Твердые стены, выстроенные Шэнь Янем, в этот миг были окончательно разрушены этой слишком тяжелой правдой и слишком трагическим искуплением.

Он медленно, очень неуклюже, той самой правой рукой начал поглаживать Сяо Чэ по дрожащей спине.

Движения были робкими, но в них читалось безмолвное обещание.

Ветер выл, поднимая снежинки, смешанные с кровью и слезами.

А обгоревший остов фонаря в крепко сжатой руке Сяо Чэ, под неуклюжим утешением Ше Цинъяня, подобно последней искре на холодной ветке, упрямо мерцал в глубине суровой зимы.

<http://bllate.org/book/20749/2080028>